

²⁴ Там само. – С. 34.

²⁵ Там само.

²⁶ Пашуто, В. Т. Против фальсификации истории нашей Родины немецкими реваншистами. – С. 5; Тульчинский, М. Р. Мюнхенский Институт Восточной Европы на службе боннской реваншистской политики / М. Р. Тульчинский, В. И. Салов // Вопросы истории. – 1960. – № 12. – С. 164–174.

²⁷ Kappeler, A. Hans Koch (1894–1959) / A. Kappeler // Osteuropäische Geschichte in Wien. 100 Jahre Forschung und Lehre an der Universität / A. Suppan, M. Wakounig, G. Kastner (hrsg.). – Innsbruck, 2007. – С. 227–228.

Надійшла до редколегії 19.03.2008 р.

†

М. В. Стрелец

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕРМАНИСТИКА: ИЗЫСКАНИЯ ПЕРСПЕКТИВНОЙ МОЛОДЕЖИ, НАУЧНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА

Автор рецензує збірник «Новітня історія Германії. Роботи молодих учених і дослідницькі центри», який було видано у 2007 р. в Москві. В рецензії виділено наукову новизну, яку зміщено в статтях перспективної російської молоді. Молодь досліджує проблемні комплекси, пов'язані з історією Веймарської республіки, «Третього рейху», внутрішньополітичним життям повоєнної Германії, зовнішньою політикою ФРН. Автор також дає стилістичний аналіз наукової інфраструктури російської історичної германістики на засадах статей маститих учених про відповідні російські дослідницькі центри.

Выход рецензируемого сборника¹ стал возможным в результате объединения усилий Германского исторического института в Москве (ГИИ), Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), Тверского государственного университета (ТГУ). Его составителями выступили директор ГИИ профессор Бернд Бонвеч, главный научный сотрудник ИНИОНа РАН, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации Борис Сергеевич Орлов, заведующий кафедрой новой и новейшей истории ТГУ Алексей Александрович Синдеев.

В основе структуры книги положена следующая «идея – соединить статьи молодых германистов и информацию о центрах исторической германистики. Причина очевидна: дать молодому поколению информацию о том, что делалось и что делается в традиционных и новых центрах германистики, восстановить научный континуитет»².

Первый раздел сборника «Статьи молодых историков-германистов» включает четыре подраздела: «Идеология и политика во Второй империи и в Веймарской республике», «Германия в период национал-социализма», «Внутриполитическая жизнь послевоенной Германии», «Германия в системе международных отношений после 1945 года».

В первый подраздел входят следующие статьи: кандидата исторических наук, старшего преподавателя Российского нового университета (Воронежский филиал) Анны Олеговны Семёновой «Возникновение ревизионизма в германской социал-демократии», аспирантки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова Марии Владимировны Гусевой «Вернер Зомбарт как идеолог консервативной революции», кандидата исторических наук, доцента Волгоградского государственного педагогического университета Татьяны Васильевны Евдокимовой «Рейхсканцлеры Веймарской Германии в новейшей отечественной литературе», кандидата исторических наук, преподавателя Воронежского государственного университета Максима Валерьевича Кирсанова «Образ немцев в восприятии правых латышских интеллектуалов в межвоенный период».

А. О. Семёновой удалось основательно показать место Эдуарда Бернштейна в истории германской социал-демократии, глубоко раскрыть коллизии в отношениях между родоначальником ревизионизма и руководящим составом СДПГ. Автор показывает Э. Бернштейна не кабинетным учёным, оторванным от жизни, о выдающимся теоретиком, выстраивающим аргументацию на базе реалий. Они в конце XIX в. были таковы. «По мере развития капитализма чётче проявлялась тенденция стабилизации системы буржуазных общественных отношений, интеграции пролетариата в индустриальное общество... Э. Бернштейн в то время оказался единственным исследователем марксизма, уловившим новые тенденции и попытавшимся их систематизировать и объяснить, отказавшись от революционной стратегии». Учёный адекватно оценивает значимость наследия данного теоретика и в условиях постиндустриальной цивилизации. «Настоящее признание идей демократического социализма Э. Бернштейна пришлось на период после 1945 г. Они нашли отражение в программе

СДПГ, принятой в 1959 г. в Бад-Годесберге, сохраняются в идеологическом лексиконе современной социал-демократии, которая рассматривает социализм как постоянный и непрерывный процесс реализации основных социалистических ценностей в условиях парламентской демократии»³.

Ученица крупного российского германиста А. И. Патрушева, к сожалению, уже покойного, М. В. Гусева затронула практически неисследованный аспект литературного наследия одного из ключевых представителей интеллектуальной элиты трёх эпох германской истории Вернера Зомбарта. У него была весьма солидная научная репутация и во времена кайзера Вильгельма, и во времена первой республики, и в третьем рейхе. Московский учёный впервые капитально анализирует роль В. Зомбарта в идеологическом обеспечении консервативной революции.

По мнению автора, «стержневым понятием в консервативно-революционных настроениях В. Зомбарта оказывается понятие героического»⁴. М. В. Гусева показывает, что «миропонимание В. Зомбарта в полной мере соответствовало идейной направленности консервативной революции, одним из ключевых составляющих которой, стала ... позиция «героического сознания»⁵. В этой связи немецким мыслителем предпринимались «попытки увидеть элементы «героического сознания» в капитализме в образе предпринимателя или в социализме в образе революционных синдикалистов или большевиков»⁶. Однако В. Зомбарт ни в одной из указанных социально-экономических систем не увидел «элементов «героического сознания» и, естественно, «не мог предложить уверенного ответа на вопрос, на что должны быть направлены силы «героя», ради чего должна приноситься жертва. В итоге перед Первой мировой войной он стоял на позициях так называемого культурного пессимизма»⁷. Осмысление факта участия Германии в данной войне предопределило расстановку новых акцентов в теоретических построениях В. Зомбарта. «В «идеях 1914 года» им был найден путь преодоления культурного пессимизма. Противопоставление «торгашей» и «героев», уже разрабатывавшееся в работах В. Зомбарта в форме противопоставления мещанской и предпринимательской составляющих капиталистического духа, обрело воплощение в национальных типах англичан и немцев. Миссия Германии в войне возводилась В. Зомбартом до роли последнего оплота, способного противостоять торгашескому духу... Немецкое и героическое начала оказались неразрывно связанными»⁸. Затем германский учёный довёл свои творческие изыскания до

того уровня, когда есть основания говорить об оригинальной модели. М. В. Гусева даёт ей сбалансированную оценку. Она пишет: «Предложенная им модель немецкого социализма включала в себя детальную рационалистическую разработку экономических и политических вопросов, которая сочеталась с метафизическим осмыслением высших целей нации. Несмотря на кажущуюся цельность системы, в ней были заложены опасные противоречия, ставшие роковыми для движения консервативной революции в целом»⁹.

Т. В. Евдокимова отметилась уникальным исследованием на стыке истории и политологии. Она вначале смоделировала тип главы исполнительной власти, характерный для германских реалий 1919–1933 гг., то есть для периода первой республики, а затем всесторонне проиллюстрировала этот тип на примере всех канцлеров, правивших страной в данный отрезок времени. Исходя из авторской типологии, можно дать ответ на один из стержневых вопросов германской истории: «Был ли неизбежным приход А. Гитлера к власти?»

Базисная посылка в концепции волгоградского историка такова: «Тип канцлера Веймарской республики – это канцлер, действующий в период поиска перехода от монархии к республике: становления, развития и сильнейшего кризиса (ситуационный фактор); перехода от чрезвычайно больших полномочий канцлера, наносящих вред демократическим ветвям власти, к поиску адекватного положения главы исполнительной власти в партийно-парламентском механизме демократического государства (институциональный фактор); перехода от личности харизматического типа, отдающей приоритет национальным проблемам, к поиску харизматической личности, ставящей во главу угла демократические проблемы (личностно-психологический фактор); перехода от канцлера, сотрясающего Европу «военными тревогами» и «кошмаром коалиций», к главе демократического правительства, получающего основательную поддержку со стороны стран Запада, сторонников либеральной демократии (международный фактор)»¹⁰.

Исходя из этих критериев, учёный показывает, что канцлеры Веймарской Германии не могут быть образцом политических лидеров переходной эпохи. «Они не являлись харизматическими личностями. Они не обладали волей к власти. Среди них не оказалось ни Отто фон Бисмарка, ни Конрада Аденауэра»¹¹.

Несомненным достоинством статьи является рассмотрение деятельности глав исполнительной власти в контексте дуалистичности Веймарской конституции, несовершенства партийно-политического

механизма. обстоятельно проследив изменение места и роли канцлера в политической системе Веймарской Германии, волгоградский исследователь отмечает: «Демонстрируя сознательный уход от концентрации власти в руках канцлера в первоначальный период Веймарской республики, та же конституция позволила президенту, начиная с 1930 года, ликвидировать роль парламента как конституционного органа народного представительства, дававшего согласие на формирование правительства. Началось перемещение центра тяжести власти от законодательных органов к исполнительным»¹². Весьма важной представляется также следующая констатация: «Партийно-политический фактор оказывал в основном дестабилизирующую роль на деятельность правительств. Главная причина заключалась в отсутствии практического опыта у политических партий: они не привыкли к правительственной ответственности»¹³.

О. Э. Терехов всесторонне показал вклад советских учёных, постсоветского научного сообщества в осмыслении «такого феномена новейшей истории Германии, как «консервативная революция» в Веймарской республике»¹⁴. Вниманию читателей предлагается оригинальная авторская периодизация истории изучения этого феномена. Исследователь показывает соответствующие концепции, представленные в учёном мире.

Кемеровский германист выступил пионером в комплексном анализе современного состояния в изучении настоящей проблемы. Он отмечает: «Постсоветская гуманитарная мысль отказалась от идеи рассматривать ведущих представителей «революционного консерватизма» исключительно только как духовных предтеч национал-социализма.

В современной отечественной гуманитарной мысли возобладал персоналистический подход к изучению истории «консервативной революции». Отныне она интерпретируется в большей степени в свете той роли, которую сыграли её отдельные представители в развитии немецкого консерватизма и национализма 20-х – начала 30-х гг. прошлого века... Более того, феномен «революционного консерватизма» стал рассматриваться в контексте европейского культур-пессимизма межвоенного периода, а, как известно, ведущие деятели «консервативной революции» в Веймарской Германии (О. Шпенглер, Э. Юнгер и др.) были знаковыми фигурами культур-пессимизма общеевропейского масштаба»¹⁵.

Воронежский германист М. В. Кирчанов чётко уловил масштабы антивоенных настроений в Латвии между Первой и Второй мировы-

ми войнами. Он показал те субъекты политического процесса в данной стране, которые «культивировали антинемецкий нарратив»¹⁶. Речь шла о правых и центристах, причём правые, чьи позиции можно было однозначно квалифицировать как националистические, делали это наиболее рьяно. Рассматривая реальный вес антинемецких сил в латвийском политическом интерьере, автор берёт в качестве контрольного рубежа переворот 14-15 мая 1934 г. «Если до переворота 14-15 мая 1934 г. антинемецкие идеи оставались идеями, то после него появились условия для их реализации»¹⁷. М. В. Кирчанов мастерски прослеживает данную реализацию. Стремясь реконструировать картину межнациональных отношений в межвоенной Латвии, вполне обоснованно берёт в расчёт и отношение немцев к латышам. «Для германских интеллектуалов был характерен крайний национализм, на Латвию они смотрели как на исконно немецкую землю, отрицая права латышей не только на независимую государственность, но и на собственную идентичность»¹⁸.

Исследователь обращается к анализируемому проблемному полю и в общеевропейском контексте. Он справедливо отмечает: «Обострение немецко-латышских отношений перед Второй мировой войной могло быть использовано для активизации антинацистских настроений в Европе. Но этот шанс был упущен. Латышские националистически настроенные интеллектуалы в большинстве своём покинули страну после прихода советских войск в Латвию. В такой ситуации латышский национализм становился антисоветским и антироссийским, немецкие же мотивы потеряли для латышских интеллектуалов свою актуальность»¹⁹.

Авторами второго подраздела являются: кандидат исторических наук, старший преподаватель Кемеровского государственного университета Светлана Владимировна Арапина («Деятельность «Германского трудового фронта» в рамках реализации идеи «народного автомобиля»), кандидат исторических наук, доцент Ярославского государственного педагогического университета имени К. Д. Ушинского Александр Михайлович Ермаков («Подготовка руководящих кадров в Союзе немецких девушек»), аспиранта Воронежского государственного педагогического университета Елены Леонидовны Данченко («Принудительный труд «восточных рабочих» в сельском хозяйстве нацистской Германии»).

Темы, заявленные данными авторами, явились новыми для российской германистики. Каждый из них провёл пионерское исследование.

С. В. Арапина убедительно показывает социальные последствия деятельности Германского трудового фронта. «Его активность способствовала изменению социального типа рабочего. Прославление человека труда изменило как понимание большей частью рабочих своего статуса, так и самосознание немецкого общества. Под воздействием привлекательных сторон деятельности организации (юридическая помощь, запрещение необоснованных увольнений, строительство жилья и спортивных сооружений, оплачиваемого отпуска, идея «народных товаров», возможность путешествий и т. д.) удалось убедить рабочих, что они нужны государству для создания нового «великого рейха». Преимущества, которые получали члены Германского трудового фронта, были настолько очевидны, что нацистам удалось создать «капитал доверия» к своему режиму со стороны рабочего класса»²⁰.

А. М. Ермаков в своей статье отмечает, что Союз немецких девушек (БДМ) стал третьим воспитательным центром, который в отличие от довольно консервативной школы и слабо поддающейся государственному контролю семьи активно внедрял нацистские идеалы и ценности»²¹.

Е. Л. Данченко сделала неожиданный для рецензента и в то же время убедительный вывод: «Практика использования восточных рабочих в сельском хозяйстве (Германии. – М. С.) существенно отличалась от представлений национал-социалистического руководства. Постулаты расовой национал-социалистической идеологии наталкивались в сельском хозяйстве на значительные препятствия. Годами внедрявшийся в сознание образ «расово неполноценных» был скорректирован повседневным общением. Забота и готовность работать были при этом важнейшими критериями, по которым оценивались «свои» иностранцы»²².

Авторами третьего подраздела являются: аспирант кафедры теории и истории международных отношений Уральского государственного университета имени А. М. Горького («Развитие политического процесса в Тюрингии в период демократического транзита»), старший преподаватель Московского государственного лингвистического университета Татьяна Александровна Некрасова («Деятельность антифашистских комитетов во французской зоне оккупации Германии»), соискатель кафедры нового и новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета Иван Дмитриевич Попов («Образование и развитие ХСС в Баварии (1945–1949 гг.)»), аспирант кафедры всеобщей истории Ярославского государственного

университета имени П. Г. Демидова Михаил Григорьевич Кербиков («Позиция СВДП по социально-экономическим вопросам в правительстве Г. Коля (1982–1990 гг.)»), преподаватель Воронежского государственного университета Михаил Владимирович Мануковский («Ментальные стереотипы немцев о политиках и политических партиях России и Германии»), аспирантка исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова Елена Владимировна Черненко («Страницы биографии издателя журнала «Шпигель» Рудольфа Аугштайна»), аспирантка кафедры теории и истории международных отношений Московского государственного университета Дарья Валерьяновна Яжук («Печатные СМИ ФРГ: вчера и сегодня»).

В. С. Робинзон впервые в постсоветской германистике реконструировал политический процесс в Тюрингии с июля 1945 г. до октября 1949 г. В его статье чётко прослеживается авторская периодизация данного процесса. Отличительные черты каждого из этапов, по мнению автора, таковы. «Во время первого этапа (июль 1945 – ноябрь 1946 г.) были сформированы основные институты управления земли, оформились основные политические силы, вступившие в предвыборную борьбу, которая закончилась победой на выборах (в органы самоуправления общин, ландтаг. – М. С.) СЕПГ (Социалистической единой партии Германии. – М. С.). Он также характеризовался относительной автономностью органов власти земли от вмешательства центральных органов СЗО (советской зоны оккупации. – М. С.). Окончание данного этапа определилось победой СЕПГ на выборах осенью 1946 г. Второй этап (декабрь 1946 – сентябрь 1947 г.) характеризуется борьбой за полномочия между правительством Тюрингии и центральными управлениями и постепенным переходом власти к последним. Важнейшими событиями стали создание НЭК (Немецкой экономической комиссии. – М. С.) 4 июня 1947 г. (президента земли. – М. С.) Р. Пауля в западные зоны в начале 1947 г. Во время третьего этапа (сентябрь 1947 – октябрь 1949 г.) произошла окончательная централизация власти в СЗО: НЭК была наделена законодательными полномочиями, в ХДС (Христианско-демократическом союзе. – М. С.) и ЛДП (Либерально-демократической партии. – М. С.) в Тюрингии произошла смена политических элит, следствием чего стала ликвидация оппозиции. В то же время СЕПГ под руководством СВАГ трансформировалась в массовую «партию нового типа». Вектор развития политического процесса в Тюрингии в период демократического транзита в 1945–1949 гг. совпал с общезональными тенденциями,

вполне логичным результатом которых стало формирование Германской Демократической Республики в сентябре 1949 г.»²³

Т. А. Некрасова предлагает принципиально новый взгляд на политику военной администрации во французской оккупационной зоне. Предшественники российского учёного однозначно утверждали, что французы в отличие от американцев и англичан предоставляли германским субъектам политического процесса гораздо меньшую свободу маневра. Т. А. Некрасова пишет: «Военное правительство поддерживало германские инициативы на нижнем и среднем уровнях, вплоть до уровня земель, гораздо больше, чем считалось до этого; рамки, поставленные французскими оккупационными властями для политической деятельности, были не такими уж узкими. В некоторых областях стремление французов к созданию нового демократического порядка проявлялось даже интенсивнее, чем у англичан и у американцев. За этим скрывается не идеализм, а желание устранить франко-германскую конфронтацию. В литературе сложилось мнение, что французы не доверяли возможностям немцев в области демократии и взяли весь процесс демократизации – от денацификации до реформы образования – в свои руки. На деле, как показывают источники, ситуация в их зоне была иной. Именно участие немцев легло в основу системы денацификации, разработанной в юго-западных землях при активном участии антифашистских комитетов. В задачи последних входило и формирование новой местной администрации, и в этом французы опирались на советы немцев»²⁴.

И. Д. Попов обратился к малоизвестным страницам истории ХСС, относящимся к роли личного фактора в становлении данной партии. Он показывает, что «инициатива создания ХСС исходила из двух центров – Мюнхена и Вюрцбурга»²⁵, что во главе этих центров стояли такие яркие личности как Йозеф Мюллер и Адам Штегервальд. Этих деятелей объединяло «стремление создать массовую межконфессиональную партию на основе христианской этики и социальной ответственности»²⁶. Отметим, что такой подход устраивал далеко не всех христианских политиков в Баварии. В этой связи заслуживает интерес детальное освещение автором концепций оппонентов Й. Мюллера – Фритца Шеффера и Алоиса Хундхаммера. И. Д. Попов, несомненно, оригинален в оценке отношения ХСС к разработке Конституции Баварии 1946 г., Основного закона ФРГ 1949 г.

М. В. Кербиков впервые в постсоветской германистике дал цельную характеристику социально-экономических концепций партии свободных демократов в первый период эры Г. Коля в истории ФРГ.

Подводя итоги этого периода, учёный справедливо отмечает: «...Основные предложения СвДП в области экономики таковы: либерализовать цены и финансы, дать рынку выправлять цены, покончить с инфляцией, осуществить приватизацию. Правительство должно уйти с дороги. Вся социальную политику партии можно квалифицировать как самое крупное наступление за всю послевоенную историю ФРГ на социально-экономические права трудящихся и наглядное свидетельство попыток правительства добиться перелома в социальных отношениях. С середины 1980-х и до второй половины 1990-х гг. услуги социального характера, предоставляемые государством и публично-правовыми организациями, сократились на 350 млрд марок. В рамках доктрины социального рыночного хозяйства свободные демократы сделали переход к обновлению ведущей роли рынка в хозяйственном регулировании страны. Одновременно правительство ХДС/ХСС-СвДП не шло на откровенное обострение конфликтов с профсоюзами и стремилось найти дополнительные резервы для сглаживания наиболее острых проблем»²⁷.

М. В. Мануковский обратился к анализу интересного опроса, проведённого в Германии. «Целевой аудиторией исследования стали носители немецкой культуры старше 20 лет, располагающие доступом к сети Интернет и имеющие представление о политической ситуации в России и Германии. Опрос проводился в течение шести месяцев – с января по июль 2005 г.

Анкета-опросник (таблица) была размещена в Интернете на сайте www.angebot.de/mquote.php. Ссылка на данный сайт была разослана подписчикам немецкого сервера электронной рассылки www.joe-list.de, объединяющего более 2500 человек, интересующихся Восточной Европой и Россией.

Из общего числа откликнувшихся на просьбу принять участие в опросе условиям сегментации соответствовал 51 человек»²⁸. В конечном итоге были «установлены их личные оценки деятельности следующих политических субъектов: президента Владимира Путина, партии «Единая Россия», Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ), Либерально-демократической партии России (ЛДПР), экс-канцлера Герхарда Шредера, Социал-демократической партии Германии (СДПГ), Христианско-демократического союза (ХДС), партии «зелёных»²⁹. С автором можно согласиться в том, что «различие в восприятии своих и чужих политиков объясняется глубинным действием дискурсивных факторов «свой» - «чужой» проявляющимся в возведении символических границ между простран-

ством, определяемым как «безопасное», «гармонически организованное», и пространством «враждебным», «хаотическим»³⁰.

Е. В. Черненко чётко прослеживает оппозиционность Р. Аугштайна по отношению к федеральным и земельным властным структурам. 55 лет, с 1947 по 2002 г., Р. Аугштайн бесценно возглавлял журнал «Шпигель». За время его редакторства не было ни одной крупной аферы с участием сильных мира сего в западных зонах, ФРГ, которые не освещались бы журналом. Не может не вызывать интерес «направленность политических комментариев, опубликованных Р. Аугштайном»³¹. Возьмём, например, отрезок времени с 1948 по 1962 г. За этот период «в 5 материалах поддерживалась официальная политика правительства канцлера Аденауэра, 17 были нейтральны, а 128 – крайне негативны по отношению к политике власти»³².

Д. В. Яжук основательно исследовал германские СМИ периода Берлинской республики. Он считает необходимым «при анализе современной немецкой прессы... обратить внимание на три основных фактора: сильные позиции региональной периодики, концентрация основных периодических изданий в руках крупных частных концернов; тенденция к снижению продаваемости ежедневных газет и одновременно тенденция к повышению популярности электронных средств массовой информации»³³.

В четвёртом подразделе представлены статьи аспиранта кафедры всеобщей истории Волгоградского государственного педагогического университета Дмитрия Александровича Загуменного («Роль «воздушного моста» в урегулировании Берлинского кризиса 1948-1949 гг.»), преподавателя Российского государственного университета Елены Леонидовны Ситниковой («Берлинский кризис 1948-1949 годов и его место в процессе формирования образа СССР в США после Второй мировой войны»), аспиранта кафедры новой и новейшей истории Тверского государственного университета Игоря Анатольевича Монахова («Отношения США и Германии: реализация концепции американского лидерства в период президентства Б. Клинтона (1993-2001 гг.)»), кандидата исторических наук Василия Владимировича Русскова («Политика «красно-зелёной» коалиции в ФРГ по проблемам расширения НАТО на Восток»), старшего преподавателя кафедры немецкого языка МГИМО(У) МИД РФ Оксаны Евгеньевны Ореховой («Пресса ФРГ о России и германо-российских отношениях в 90-е годы XX века: общая характеристика»).

На наш взгляд, главная ценность статьи Д. А. Загуменного заключается в обстоятельном анализе той части биографии У. Тюннера,

которая связана с Берлинским кризисом 1948-1949 гг. Известно, что «воздушный мост» между Западным Берлином и западными зонами оккупации, возникший после установления СССР блокады Западного Берлина, вначале функционировал неэффективно. Поэтому американцы приняли следующее кадровое решение: «28 июля 1948 г. на пост командующего операциями «воздушного моста» из Вашингтона был назначен генерал Уильям Тюннер. Этот человек считался одним из известнейших экспертов в сфере воздушного транспортирования грузов. В 1944 г. он был назначен главой военно-воздушной транспортной команды на азиатском «воздушном мосту» Китай – Индия – Бирма. Таким образом, правительство США попыталось наладить снабжение города с максимально возможным результатом, используя проверенные, квалифицированные и опытные военные кадры. С именем У. Тюннера связана перестройка деятельности берлинского «воздушного моста», результатом которой и стало его успешное функционирование»³⁴.

Е. Л. Ситникова убедительно показала, что второй берлинский кризис привёл к резкому усилению антисоветских настроений у американцев. «Настроения общественности США строились в соответствии с образом СССР как врага. Это видение формировалось в общественном сознании США уже несколько лет и основывалось на постулате о советской агрессии, бесчеловечности и пренебрежении к правам человека. Теперь образ воинственного противника находил подтверждение в конкретных событиях. Происходившее в Берлине хорошо вписывалось в стройную концепцию, определявшую Советский Союз в качестве врага»³⁵. С учёным можно также согласиться в том, что «берлинский кризис явился катализатором процесса создания Североатлантического договора, одновременно подготовив общественное мнение США к признанию НАТО»³⁶.

И. А. Монахов показывает, что в 1993–2001 гг. германо-американские отношения «развивались на основе диалога и сотрудничества. Общая задача, которая, с точки зрения (тогдашнего президента США. – М. С.) Б. Клинтона, стояла перед обеими странами – укрепление фундаментальных институтов (НАТО, ГАТТ, ОЭСР и ЕС) и включение в их состав новых демократических стран ЦВЕ и государств бывшего Советского Союза, – решалась трансатлантическими партнёрами последовательно и успешно. Для Германии реализация данной внешнеполитической задачи означала расширение зоны безопасности и стабильности – необходимого условия для развития

торговых и экономических связей, укрепление собственных позиций в Европе как «локомотива» процесса интеграции»³⁷.

В. В. Руссков чётко выделил место расширения НАТО на Восток в восточноевропейской политике кабинетов Г. Шредера и Г. Коля: Известно, что путь к консенсусу между ключевыми субъектами политических процессов в ФРГ по данному вопросу был непростым. Кабинеты Г. Коля поддержали расширение НАТО на Восток без всяких «но» и «если». «В первой половине 1990-х годов... лидеры СДПГ (Р. Шарпинг, О. Лафонтен) выступали против расширения НАТО, считая, что функции союза должны ограничиваться коллективной обороной. Партия «Союз-90/Зелёные» придерживалась точки зрения, что в обеспечении безопасности новой Европы центральная роль должна принадлежать ОБСЕ. Однако во второй половине 1990-х годов оппозиционные партии изменили свои позиции»³⁸. Именно с «изменением позиций» они подошли к парламентским выборам 1998 г., в результате которых в ФРГ стала править «красно-зелёная» коалиция во главе с Г. Шредером.

Общий знаменатель подходов кабинетов Г. Коля и Г. Шредера был таков. «Для Германии расширение НАТО было частью комплексного процесса, который включал в себя трансформацию НАТО, расширение ЕС и углубление европейской интеграции. Однако правительство Г. Шредера, исходя из заявлений членов кабинета, изначально делало большую ставку в своей восточноевропейской политике не на расширение НАТО, а на экономическую и политическую интеграцию со странами ЦВЕ в рамках ЕС. Безопасность в данном контексте трактовались в широком смысле как совокупность военно-политической стабильности, экономической, экологической, информационной безопасности и т. д.»³⁹

О. Е. Орехова абсолютно права, давая противоречивую оценку освещению постсоветской России и германо-российских отношений в эры Ельцина и Путина в немецкой прессе. Она признаёт «присущую в большинстве случаев объективность критики в отношении российских правящих структур, экономических проблем, состояния инфраструктуры и культуры населения»⁴⁰. Вместе с тем О. Е. Орехова принципиально не согласна (и рецензент к ней присоединяется) с нередкими проявлениями тенденциозности в преподнесении немцами ряда событий и фактов. Например, заслуживает возмущения то обстоятельство, что «общественно-политический еженедельник «Дер Шпигель», который всегда славился сильным историческим отделом, периодически напоминал читателям о том, почему западное общество

не может признать освободительной миссии советского народа во Второй мировой войне»⁴¹.

Не менее ценным является и второй раздел «Центры исторической германистики в России». В отличие от первого раздела авторами соответствующих статей выступают маститые учёные. На основании тщательного прочтения статей можно составить отчётливое представление о школах, созданных яркими величинами в исторической науке. Это школы Ф. И. Натовича, А. И. Котова, А. Б. Цфасмана, А. С. Ерусалимского, М. Е. Ерина, Ю. В. Галактионова, А. С. Бланка, Л. А. Медведева, В. А. Артёмова, И. Я. Биска. Представляют также интерес сведения о сотрудничестве центров исторической германистики России с немецкими партнёрами. Яркий пример такого сотрудничества – «трёхтомный учебник по истории Германии, который вышел в Кемерово в 2005 г., получил гриф вузовского «учебного пособия» Министерства образования и науки РФ и вышел в 2007 г. во втором (исправленном) издании»⁴².

Таким образом, рецензируемая книга обязательно будет востребована образовательным и научным сообществом.

Библиографические ссылки

- ¹ Новейшая история Германии. Труды молодых ученых и исследовательские центры: [сборник] / Сост. Б. Бонвеч, Б. Орлов, А. Синдеев. – М., 2007.
- ² Там же. – С. 18.
- ³ Там же. – С. 38.
- ⁴ Там же. – С. 54.
- ⁵ Там же. – С. 54-55.
- ⁶ Там же. – С. 55.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же. – С. 56.
- ⁹ Там же. – С. 62.
- ¹⁰ Там же. – С. 63-64.
- ¹¹ Там же. – С. 74.
- ¹² Там же. – С. 80.
- ¹³ Там же. – С. 82.
- ¹⁴ Там же. – С. 83.
- ¹⁵ Там же. – С. 89-90.
- ¹⁶ Там же. – С. 97.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. – С. 101.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. – С. 106-107.
- ²¹ Там же. – С. 107.

- ²² Там же. – С. 133.
²³ Там же. – С. 149-150.
²⁴ Там же. – С. 167.
²⁵ Там же. – С. 169.
²⁶ Там же.
²⁷ Там же. – С. 194.
²⁸ Там же. – С. 196-197.
²⁹ Там же. – С. 195-196.
³⁰ Там же. – С. 203.
³¹ Там же. – С. 209.
³² Там же.
³³ Там же. – С. 219-220.
³⁴ Там же. – С. 226.
³⁵ Там же. – С. 233.
³⁶ Там же. – С. 237.
³⁷ Там же. – С. 257.
³⁸ Там же. – С. 261.
³⁹ Там же. – С. 263-264.
⁴⁰ Там же. – С. 284.
⁴¹ Там же. – С. 282.
⁴² Там же. – С. 15.

Надійшла до редколегії 18.02.2008 р.

Т. А. Петрова

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ НЕМЕЦКО-МЕННОНИТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮГА УКРАИНЫ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XX в. В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ УКРАИНСКИХ УЧЕНЫХ

Проаналізовані публікації збірника «Питання германської історії» про духовне життя німецько-менонітського населення кінця XVIII – початку XX ст.

Проблемы истории немецко-меннонитского населения Российской империи в последнее время стали предметом внимания ряда исследователей как на постсоветском пространстве¹, так и в западной